

Виктория Коритнянская

Одна из тысячи историй о войне...

9 апреля 1938 г. Совнаркомом было утверждено Положение о спецшколах (Постановление № 452). Однако почти годом ранее, в мае 1937 г., в Москве в пяти средних школах началось экспериментальное обучение мальчишек 8-10-х классов по программе, близкой к программе военных училищ. Одесса, видимо, решила не отставать от столицы – занятия в Одесской артиллерийской специальной школе № 16 также начались в 1937 г., но 1 октября. Поначалу школа располагалась по адресу улица Ботаническая, 4 (в настоящее время проспект Гагарина), позднее, с 1 сентября 1938 г., – в здании на Чичерина, 1 (сейчас – ул. Успенская). В 41 году, 28 июля (в других источниках упоминается также 1 августа), учащиеся школы вместе с педагогами отбыли в эвакуацию. Путь на Восток был нелегким, лишь в начале 1942 года школа прибыла в Сталинабад (в настоящее время г. Душанбе, Таджикистан), где в недостроенном здании театра оперы и балета продолжилось дальнейшее обучение курсантов. После освобождения Одессы школа вернулась в родной город, в 1946 г. была реорганизована в Одесское артиллерийское подготовительное училище.

Более трети выпускников Одесской артиллерийской спецшколы № 16 довоенного и военного периода погибли, защищая Родину, на фронтах Второй мировой войны... Герои очерка Владимир и Пусик – среди них...

Я не знаю, о чем этот очерк... Возможно, он об одной одесской еврейской семье, из пятнадцати членов которой войну пережили лишь пятеро... А возможно, он о дружбе двух одесских мальчишек – впоследствии курсантов-однокурсников Одесской артиллерийской специальной школы № 16. Война разлучила

их в ноябре 41-го, а смерть немногим позже... Или же, может, это история о нескольких дворах, которых до войны в Одессе было великое множество, а после войны не осталось ни одного... В них дружно жили, работали и растили детей Штейнгольцы, Шойхеты, Женичковские, Штивельбанды, Файнгольды, Гимельфарбы, Вайсбанд-Гитгарцы, Чечники, Ладыженские... Но почти все они исчезли, пропали бесследно в 41-м, не по своей воле променяв теплые стены родных квартир на сырые объятия противотанковых рвов Дальника, оврагов Богдановки и силосных ям Доманевки... Мне кажется, этот очерк обо всем этом... Но... Пусть читатель решит сам, а я же, пожалуй, начну...

Жила-была в Одессе на улице Воровского в доме 104, в квартире из трех комнат семья Файнгольд: супруги Хана и Вольф с пятью дочерьми. Вообще-то, дочерей было десять, но пятеро умерли еще во младенчестве, а спустя годы оставил свое семейство и Вольф. Под венец Хана вела красавиц-дочерей уже одна. Первыми вышли замуж старшие: Женя, Ева и Фейга, которую в семье все ласково называли Феня. Новобрачные перебрались жить к мужьям и там, под чужими крышами, пытались устроить свое счастье. Правда, не всем это удалось – вскоре в отчий дом на Воровского вернулась с годовалым сыном Владимиром Феня. В 38-м Одессу покинула Ида. Ее увез на Моонзундские острова в Эстонию устроившийся там работать по найму шофером муж, и там у счастливых супругов родился первенец – дочь Анечка. В 40-м умерла от сердечного приступа одна из сестер, Елизавета... Она была самой младшей, очень болезненной и поэтому бессемейной. А в 41-м... Страшный 41 год обрушился на семью, подобно смерчу. Поначалу он забрал всех мужчин: ушли на фронт мужа Евы и Иды – Самуил и Вольф. Уехал с Киевским артиллерийским училищем в эвакуацию в Красноярск выпускник Одесской артиллерийской спецшколы, сын Жени Владимир. Бесследно пропал в октябре, выйдя из дому по делам, отец Владимира Виктор. 10 октября, за шесть дней до сдачи города румынам, чудом смогла выехать из осажденной Одессы Феня с сыном... Судьба забросила их в Ташкент, где в жуткой нищете они прожили долгих три года. В 42 году, а может, в самом начале 43-го, к ним из Челябинской области переехала Ида. Она при-

ехала уже вдовой с двумя дочерьми – вторая дочь, Лизочка, родилась в далеком Кыштыме спустя три месяца после начала войны...

Остальные же... В декабре 41-го Владимир писал Идочке, именно так называл он любимую тетю, из Красноярска:

«Еще хуже дело обстоит со всеми нашими, т. е. мамой, тетей Евой, бабушкой и остальными. Они, очевидно, не успели уехать. Вовка (сын Фени. – **В. К.**) пишет, что Цили Мазлер муж обещал их вывести из Одессы 12 октября (он работал на пароходе). Но у меня очень мало надежды на то, что они выехали... В письме за 8 октября мама мне писала, что

не выезжает из-за того, что не знает... где папа – глупо и печально. Одна фраза из этого письма: «Вовочка, ты себе не можешь представить, как лишь теперь хочется жить», – никогда не выпадет из моей памяти и будет служить девизом, когда я буду на фронте и буду иметь возможность мстить тем, кто довел до такого ужасного положения десятки тысяч семей, в том числе и маму».

Увы... Сыновье сердце не обмануло Владимира... И бабушки Ханы, и мамы с младшей сестренкой Марой, и тети Евы с дочерьми Верочкой и Фирочкой тогда уже, вероятно, не было в живых. Они погибли в Доманевском гетто – так, во всяком случае, думает Елизавета Вольфовна, та самая Лизочка... Потому что других сведений у нее нет, но она помнит, как, когда она была девочкой, не раз звучало после войны в их доме это страшное слово – «Доманевка»...

Да и сам Владимир, так мечтавший мстить за маму, погиб спустя всего несколько месяцев после прибытия на фронт. Его

Курсант Одесской артиллерийской
специальной школы № 16
В.В. Штивельбанд

отправили туда сразу же после совершеннолетия... 26 ноября 1941 года он писал:

«Нам осталось заниматься 22 дня, после чего нас бы выпустили лейтенантами. Но Родине нужны квалифицированные артиллеристы. Сейчас, именно сейчас. Поэтому нас, бывших спецшкотовцев (свыше ста человек) отозвали из училища. Вчера мы оставили училище, прибыли на место, где ждем отправки на фронт. Чувствую себя бодро. Правда, немного больно. В четырнадцать лет после окончания семилетки я, волнуясь, но с гордостью писал заявление в спецшколу: «Прошу принять в Одесскую специальную артиллерийскую школу. Хочу быть командиром-артиллеристом. Клянусь всю свою энергию, все свои силы, а если понадобится, и жизнь отдать служению Родине». В школе занимался хорошо. В училище пришел с багажом военных знаний, что помогло сразу стать отличником боевой теоретической подготовки. Готовился поехать на фронт лейтенантом... но ничего, знания, которые я приобрел в школе и за эти четыре месяца в училище, не пропадут. Идя на фронт, я смогу честно послужить Родине. А после войны, если останусь живым, закончу учебу. И дочка, клянусь тебе, что на фронте я отомщу немцам за разрушенные семьи, за убитых товарищей, поруганных друзей и сестер, за не сбитые мечты (так написано в письме. – **В. К.**) – за все...»

И Владимир мстил. На Западном фронте, в составе 41-го артиллерийского полка 97-й стрелковой дивизии II формирования, участвовавшей в боях за Ржевско-Вяземский выступ (в рамках контрнаступления советских войск под Москвой). Но 5 апреля 42 года зам. командира батареи 41-го артполка, младший лейтенант Штивельбанд был ранен. Его отправили в медико-санитарный батальон. А дальше? Что было дальше – неизвестно. В официальных документах Владимир числится пропавшим без вести... Так что же случилось?

Документов, отображающих боевой путь 41-го АП (артиллерийского полка) в начале апреля 1942 г., сохранилось немало. Во-первых, это доклад капитана Дятленко о деятельности артиллерии 97-й дивизии за апрель 1942 г. Согласно указанным в нем данным, в период со 2 по 16 апреля дивизия вела наступление

на Кремищное, Усты, Буда-Монастырская, Пустанка. Артиллерия и минометы (41 АП и 139 ОМД дивизии) своим огнем поддерживали наступление. За описанный период:

«Уничтожено 6 автомашин с пехотой и грузами противника, уничтожено и рассеяно до роты солдат, разрушено 4 ДЗОТа, подавлено 3 блиндажа, 4 минометных батареи, 8 пулеметов, 1 орудие противника.

Расход боеприпасов: 122 м/м – 81, 76 м/м – 926, мин 120 м/м – 362.

Потери: артиллерийским и минометным огнем противника было выведено одно 76 м/м орудие ДА (дивизионной артиллерии) и одно 76 м/м орудие ПА (полковой артиллерии), сейчас восстановлены».

Во-вторых, боевые донесения, распоряжения и оперативные сводки штаба дивизии от 4-5 апреля. В них 41-й артполк упоминается несколько раз. К примеру, в боевом донесении № 36 (Вертное, 18:00, 4.04.42) находим: «41 АП и 139 ОМД, имея ОП (огневые позиции) в р-не Думиничи ведет огневой бой за Кремищное и Дубровку. Уничтожено и подавлено 5-6 огневых точек противника»; в оперсводке № 47 (Вертное, 1:00, 5.04.42): «Артиллерия на прежних ОП»; в оперсводке № 48 (Думиничи, 10:00, 5.04.42): «Артиллерия 1/41 АП (первая батарея 41-го АП) на прежних ОП»; в боевом донесении № 37 (Думиничи, 19:00, 5.04.42): «Артиллерия дивизии ведет огонь на подавление огневых точек пр-ка в районе Кремищное»; в боевом распоряжении № 22 (Думиничи, 22:30, 5.04.42) перед артиллерийскими подразделениями дивизии поставлены такие задачи: «а) подавить огневую систему Усты, Кремищное; б) не допустить контратак: 1) с юж. окр. Высокая, 2) с направления Голованов, 3) с направления отм. 188,7 и 4) роши южнее Поляки 1,5 км; в) не допустить отход пр-ка из Усты, Кремищное. КП – юго-восток Думиничи (северные), доп: Усты, Вертное».

В ночь с 5 на 6 апреля войска дивизии, взяв, наконец, в упорных боях Кремищное и Усты, двинулись дальше, в направлении д. Усадьба. Все это время 41-й артполк активно поддерживал их огнем...

В именном списке безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 97-й стрелковой дивизии в период с 1 марта

по 30 апреля 1942 года Владимир среди 1126 погибших не значится. Потери дивизии 5 апреля на удивление малы – всего четыре человека (все артиллеристы!). В тот день у села Думиничи был убит уроженец Смоленской области, старший политрук и комиссар дивизиона 41-го арtpолка Зайкин Исаак Зеликович, а у деревни Поляки (Думиничского р-на Калужской (в то время – Смоленской) обл.) погибли смертью храбрых два командира орудия – Рыбаков Николай Степанович и Малинин Александр Петрович, а также артиллерист Лаповенко Константин Константинович. Был ли в тот день среди пострадавших у орудий и Владимир? Думается, что да. А далее... Вероятно, для последнего лечения Владимир был направлен в госпиталь, находившийся за пределами Думиничского р-на, во всяком случае, согласно сообщению командира поискового отряда А.И. Гану, в списках воинских захоронений Думиничского района, а также перечне солдат и офицеров РККА, которые погибли на территории района, но память о них в настоящее время еще не увековечена, Штивельбанд не значится...

Последнее, совсем коротенькое письмо с фронта Владимир написал Иде на открытке. Отправлено оно с полевой почтовой станции № 1664 (ППС № 1664 обслуживала бойцов 97-й стрелковой дивизии):

«Здравствуй, дорогая Идочка. Сегодня, после трехдневного боя мое подразделение расположилось на отдых в деревне. Сейчас я сижу в избе, ем сухари с молоком и пишу тебе открытку. Самочувствие прекрасное, как всегда после удачно проведенного боя. Вчера в течение всего дня мы вели ураганный огонь по укреплениям противника: сначала по дзотам, а затем по церкви, в которой враг сильно укрепился, и в течение четырех дней его нельзя было выбить. Вчера к вечеру мы так раздробили ее, что камень на камне не остался, а по немцам, бежавшим оттуда, мы открыли огонь шrapнелю, так что живым никто не остался. Ну все, с нетерпением жду ответа. Целую, Вова».

Ида получила письмо 18 марта 1942 г.

Однако «перемена судьбы», как называл Владимир отправку на фронт, могла случиться с ним и раньше. В письме, полученном Идой 4 ноября 1941 года, он писал:

Последнее письмо Владимира с фронта

«Прибыли мы в часть 25/X. Так как там еще ничего не было (часть находилась в стадии формирования), то мы все время до 1/XI шатались в городе. У меня денег не было, но у Пусика, Мони и Ньюмы (друзья Владимира. – В. К.) было около 500 рублей. Эти дни мы погуляли на славу. Нет ни одного ресторана, кафе, столовой, где бы мы... (далее неразборчиво). За это время я прослушал в оперном «Запорожец за Дунаем», «Риголетто», в драмтеатре мы смотрели «Хозяйка гостиницы», «Любовь Яровая» и «Продолжение следует». Уже 31/X формирование части закончилось, а 1/XI начали жить нормальной жизнью. Первого ноября мне удалось пойти в город. Вернулся я, принес два кило пряников, булки, бублики Пусику, Ньюме и Моне, а тут меня вызывает командир части. Прихожу к нему, а у него 9 человек наших ребят. И я среди них. В штабе я узнал, что нас 10 человек 24-го года рождения направляют в училище для продолжения занятий из-за несовершеннолетия. Получив все документы,

мы пошли в ресторан, где за 24 рубля так позавтракали, что, приехав в 6 часов в училище, не могли обедать, а нам еще впереди предстоял ужин, который мы так и оставили. Из нашего курса, который должен был выпускаться 15/XI, все находятся в части, так что нам придется заниматься с другим курсом, который через месяца два закончит учебу. То, что они учат, мы прошли давно, так что пару дней мы не будем заниматься вообще. А затем будем усовершенствовать свои знания. Только жалко, что Пусик и Моня не с нами. Они так хотели быть лейтенантами... Но что поделаешь? Неохота было расставаться, в особенности с Пусиком – прекрасным товарищем. Но ничего, еще встретимся и не один раз еще «протрем» все тротуары Одессы...»

Друзья Владимира попали, вероятно, в 44-ю Красноярскую отдельную стрелковую курсантскую бригаду, которая была сформирована 19 октября 41 года (в состав бригады входил артиллерийский дивизион, состоявший из курсантов 1-го Киевского артиллерийского училища). 14 ноября, после месячной подготовки, 44-я бригада была отправлена из Красноярска на фронт, чтобы в составе 1-й Ударной армии начать контрнаступление советских войск под Москвой. Увы, для многих солдат – вчерашних курсантов, первые бои бригады стали последними...

А пока... Владимир расстроен разлукой с друзьями... Понимал, осознавал ли он тогда, что разница в возрасте подарила ему несколько месяцев жизни? Наверное, нет. Владимир был полон надежд... «Еще встретимся...» – писал он в письме... Увы... Владимир пропал без вести. А Пусик?

В своих письмах Владимир неоднократно пишет о своем друге по спецшколе – Пусике. Как оказалось, Пусик был его соседом... Об этом рассказал Матвей Лазаревич Полищук – единственный из ныне живущих выпускников спецшколы довоенного набора. Владимир жил на Воровского в доме № 106 (в списках потерь 97-й дивизии указан адрес: ул. Воровского, 104), Матвей Лазаревич и Пусик – в доме № 109. Каждый день Матвей Лазаревич, еще учившийся в средней школе № 2 пацан, видел, как друзья-«спецы» (так с гордостью называли себя курсанты спецшколы) в ладной, сшитой на заказ военной форме (так похожей на мундир командира!) шли на занятия. А летом уезжали

на стрельбы... И в их форме, в разговорах было столько волнующе прекрасного, что Матвей Лазаревич с друзьями-одногодками – соседями и одноклассниками – поступил в 40-м году в ту же Одесскую артиллерийскую специальную школу № 16. Но вернемся на Воровского...

Дом № 109 – трехэтажный, с пристроенными по бокам двумя флигелями. Во дворе неперенный турник, колонка и голубятня. Теперешние старожилы двора еще помнят ее полуразрушенный фундамент, в 70-х годах он здорово портил вид ухоженной лужайки перед домом. Голубятню эту держал один из братьев Шойхетов – Янкель. Он не был призван в армию по состоянию здоровья и погиб в Одессе в первые месяцы оккупации... Его брат Шлема воевал, вернулся в Одессу и долгие годы потом работал парикмахером на Тираспольской. Но речь сейчас не о них. Шойхеты, как выразился Матвей Лазаревич, были «шпана». Речь сейчас о Штейнгольцах.

Они жили во флигеле на втором этаже. В семье было трое детей: старший Изя и два брата-близнеца: Фулик и Пусик... Как звали близнецов на самом деле, Матвей Лазаревич, к сожалению, не помнит, однако кто этот Пусик, все же удалось узнать. В своих письмах Владимир неоднократно советует Иде ехать в теплый Ташкент, в город, где живет с многочисленными родственниками из Одессы, Балты и Бессарабии мама Пусика – Штейнгольц Дора. Зная фамилию, возраст и место учебы Пусика, имя его матери и т. д., мы без труда отыскали его анкету в Электронном банке данных «Память народа 1941-1945». На самом деле Пусика звали Перец (Петр). Родился он в 1923 году в Балте, позже его родители переехали в Одессу, где и поселились в доме на Воровского. Живут ли Штейнгольцы там сейчас? Нет, но во дворе о них еще помнят... Многие из жильцов слышали эту фамилию, а Н.Н. Щербатюк 1941 г. р. – один из коренных жителей двора, вспомнил, что с Дорой Штейнгольц (с его слов это была очень красивая, высокого роста женщина с вьющимися волосами, которые, словно черепица, покрывали ее голову) дружила его мама. Николай Николаевич рассказал, что после войны Дора вернулась в родной двор и свою квартиру... Правда, до второго замужества жила там одна, потому что

муж Иосиф и сыновья – Пусик и Фулик – погибли на проклятой войне... Живым вернулся только старший – Изя, но он жил отдельно и забрал постаревшую мать к себе только где-то в начале 60-х... Следы Доры теряются на Малиновского – по адресу, указанному в анкете разыскиваемого Пусика, Штейнгольцы сейчас, увы, не проживают... Но все это было уже после войны, а тогда...

18 июня 1941 года Владимир и Пусик вместе с другими выпускниками артиллерийской спецшколы (всего около ста человек) для продолжения учебы были направлены в 1-е Киевское Краснознаменное артиллерийское училище им. С.М. Кирова. А 22-го на Киев уже падали первые бомбы...

Позднее, уже из Красноярска в ноябре 41-го, Владимир писал Иде:

«И дочка, ты пишешь, чтобы я за собой смотрел, был самостоятельным... За эти четыре месяца я столько пережил и физически, и морально, что вполне достаточно, чтобы я так закалился, что мне не страшно ничто!»

Что пережил Владимир, мы можем себе только представить. Хотя... В том же банке данных в папке с боевыми документами полка 1-го Киевского артиллерийского училища им. С.М. Кирова выложен журнал его боевых действий. В нем на тринадцати листах одним из преподавателей училища, старшим лейтенантом Темпером, отображена жизнь полка с 29 июня по 13 июля 1941 г. К сожалению для нас и, вероятно, к счастью для Владимира и Пусика, их фамилии на страницах журнала не упоминаются, но они, вероятно, были там, среди курсантов, этих семнадцати-восемнадцатилетних мальчишек, и наравне со всеми переживали тяготы походной жизни и первое боевое крещение... Итак, самые любопытные записи из журнала:

29.06.41. 13:00 Получили приказ в составе артполка выступить на усиление южных подступов к гор. Киеву и поступить в распоряжение ком-ра 9-й Армии. 18:00 Выступили по маршруту: Лукьяновка, Жуляны, Крюковщина, Тарасовка, Будаевка, Глеваха, Каплища, Васильков.

30.06.41. 1:00-3:30 Большой привал в лесу южнее Будаевка. 3:00 Ужин – сухой паек. 3:30 Выступили по маршруту. На привале к-том (курсантом) 3-го д-на (дивизиона) Мирошник была забы-

та винтовка за № 5990. Розыск производится. При спуске с горы упал с лошади ездовой корня упряжки 3-го д-на к-т Чиж. Слегка потерпел. Самочувствие хорошее. Противогаз к-та Чиж разбит. Во время марша к-том 1-го д-на Гольфманом утерян штык. Розыск производится. 8:00. Остановились на отдых в Каплища. Ждем дальнейших распоряжений из штаба армии. 10:00. Завтрак – сухой паек.

Есть (среди курсантов) отдельные отрицательные настроения как-то: к-т С. (фамилия написана неразборчиво) (1 д-н) при раздаче сухого и позднего ужина заявил: «Если так будут кормить, много не наработаешь». К-т Новиков (2 д-н) обругал мл. к-ра. Командир привел его к порядку. Новиков отошел к курсантам и говорит: «е..л я этих лягавых». Стажер-ветврач Ибрагимов по поводу выезда полка говорил: «Неужели нельзя без училища обойтись, ведь посылка училища на фронт – крайнее дело. Плохо, знать, обстоят дела. Прощай, мой юг».

Начсостав обеспокоен отсутствием подготовки у курсантов. Нервничают. Но, несмотря на это, настроение бодрое, напр.: лей-нт Чулков говорит: «Что же сделаешь, сами будем стрелять и их научим».

12:00 Проведены политинформации во всех подразделениях. За переход Лукьяновка-Каплища насчитывается бойцов с потертыми ногами: 1 д-н – 18 человек; 2 д-н – 28 человек; 3 д-н – 9 человек; 4 д-н – 20 человек. 17:00-18:00 Обед. Найдена винтовка № 5990.

1 июля курсанты училища получили первое боевое крещение.

11:15 Самолет пр-ка бомбил станцию выгрузки Васильков 1-й – есть убитые и раненые. Три бомбы не разорвались. Приказал: 1. Организовать оборону выгрузки на ст. Васильков 1-й 2. Подорвать бомбы 3. Установить телефонную связь с нач-ком гарнизона. 11:45 Согласно приказанию нач-ка гарнизона, командир полка приказал выделить четыре батареи с задачей стрельбы по снижающимся самолетам. 14:30 В районе огневых точек появились три бомбардировщика пр-ка. С огневых точек был открыт огонь по самолетам. Снаряды ложились хорошо. 18:00 Вторично появились самолеты. Стрельбой огневых точек боевой курс их изменили.

3.07.41. 5:30 Все к-ты див-ов и батарей вызваны в Киев для получения новой задачи. 6:30. Слушали по радио выступление тов. Сталина. Настроение здоровое. 8:30 Караульным к-том Щербаковым П. при самовольном разряжении винтовки был ранен в паховую часть живота курсант Маевский М.В. К-ту Маевскому оказали помощь и отправили на машине в госпиталь воинской части (4 див-н). 9:00 Возвратились батареи с огневых точек. На марше к-т Павлов (1 д-н) попал под колесо. Получил ушиб и растяжение левой стопы. 13:00 Во всех дивизионах проведены митинги по выступлению тов. Сталина. Много было выступающих по злободневным, нашим бытовым вопросам. 14:30 Убыли на рекогносцировку нового района. 15:00 Отправили в Киев трех заболевших: Гулямов 2 д-он – с аппендицитом; Конорев 2 д-он – с малярией; Шевцов 3 д-он – с фурункулезом.

4.07.41. 17:00 Появились самолеты пр-ка. Зенитки открыли огонь. Прибежал к-т и доложил, что высадился в 3-х км десант с самолета. 17:15 на 2-х машинах к-р полка, 1 и 2 пнш (помощника начальника штаба) и 30 чел. к-тов выехали на поиски. Никого не обнаружили. Местные жители никого не видели. Доклад был не верен. Как впоследствии оказалось, черные опускавшиеся облачка от разрывов шрапнелей были приняты за парашютистов. 20:00 Прибыло народное ополчение из Киева на рытье траншей и устройство заграждений.

И это только неполный список событий первых нескольких дней! А были еще: ежедневные налеты и обстрелы, постоянные рекогносцировка и смена позиций, учеба и рытье окопов, устройство блиндажей и заграждений... А потом наконец эвакуация в Красноярск, где курсантов поселили в Военном городке, в пустующие после отправки на фронт 119-й стрелковой дивизии казармы. И там в холоде и голоде продолжилась их учеба...

В середине ноября состоялся выпуск курсантов (в числе которых был Пусик), зачисленных перед войной. Из воинской части № 4463 их отправили на фронт, сдерживать чудовищный натиск немцев под Москвой. В их число не попали десять человек, те самые, о которых писал Владимир: «направлены в училище для продолжения занятий из-за несовершеннолетия». Их отпра-

вили воевать в феврале. Но вернемся к Пусику. Он так и не стал лейтенантом. И погиб на несколько месяцев раньше Владимира, сержантом. Последнее письмо с фронта Пусик отправил матери 24 декабря 1941 г. Потом связь с ним оборвалась... В 1960 году на запрос о судьбе сына Дора Перцовна получила наконец официальный ответ – «заключение райвоенкома»: «Разыскиваемого Штейнгольца Перец (Петра) Иосифовича, 1923 г. р., считаю возможным учесть пропавшим без вести в боях под Москвой (Волоколамское направление)».

Мечта же Владимира стать лейтенантом сбылась – из документов мы знаем, что он погиб младшим лейтенантом. Возможно, конечно, звание было присвоено ему уже на фронте, однако несколько строк в последнем письме Владимира «из мирной жизни» (написано 15 декабря 1941 г.) позволяют нам думать, что случилось это еще в Красноярске:

«О себе писать почти нечего. По-прежнему занимаюсь очень много, последние полтора месяца занимаемся почти исключительно в поле. Морозы – не ниже 22-23 градусов. Сначала от непривычки мой нос (не думай, что он у меня такой длинный) не мог побороть сибирские морозы и довольно часто болел, менял свою кожу, но теперь он до того закалился (или обморозился), что не чувствует никаких морозов. Я себя чувствую прекрасно. Физически, как утверждают мои знакомые, возмужал.

И дочка, на днях я кончаю (училище. – **В. К.**). Кем я буду официально, неизвестно, но, вероятно, тем, кем хотел быть».

Все это время Ида и Феня пытались устроиться в эвакуации... И та, и другая в письмах и телеграммах просят Владимира помочь. Помочь с пропиской, деньгами, просто советом... В те страшные месяцы для этих двух уже взрослых женщин юный племянник стал единственным защитником и опорой. Но что он мог сделать? Мальчишка-курсант в далеком Красноярске?! Тем не менее Владимир пытается помочь. Пытается выбить справку у начальства, настойчиво советует Иде ехать туда, где тепло, и там искать родственников, просит ее потерпеть еще чуть-чуть, потому что вскоре он уедет на фронт и будет получать «приличную» ставку... Но все это, понимает Владимир, так недействительно сейчас, и письма его полны отчаянья:

«Идочка, твое письмо привело меня в ужасное волнение, и не так твое письмо, как то, что я ничем не могу тебе помочь. С 6/XI по сегодняшний день я бегал абсолютно ко всем, кто имел какое-нибудь отношение к тому, что ты меня просила. Сегодня утром я был у самого последнего (неразборчиво) начальника. Объяснил ему, что родителей у меня нет, воспитывался я у тебя (ложь, придуманная Владимиром во имя спасения тети с детьми. – В. К.), а теперь ты находишься в таком-то и таком-то положении. На это мне ответили, что пока никакой справки выдать не могут, и о выезде не может быть и речи...»

«Поверь мне, Ида, что если бы я мог провалиться сквозь землю и тем самым помочь, я бы это сделал».

«Мне только больно, что я тебе ничем не могу помочь. А ты с двумя крохотными детьми, где Володя (муж Иды. – В. К.) не знаешь? Много горя тебе придется перетерпеть. Но крепись, я буду делать все возможное, чтобы добиться помощи для тебя».

С гибелью Владимира ждать помощи Иде и Фене было уже неоткуда. Феня была разведена, муж Иды пропал без вести на осажденном немцами острове Хийумаа (в настоящее время – о. Даго) еще раньше племянника (в октябре 41-го), а остальные родственники, оставшись в Одессе, бесследно исчезли... Дождавшись освобождения Одессы, сестры в начале 45-го вернулись с детьми во двор своего детства. Они жили в нем с 1917 года и совершенно не узнали его сейчас... Двор был чужой. В квартирах друзей и знакомых жили другие люди... Их квартира тоже была занята. Чтобы вернуть жилплощадь, нужны были свидетели. Казалось бы – проще простого, но соседка, одна из немногих, кто жил в доме еще до войны, соседка, которая помнила Иду еще трехлетней, сказала: «Я таких не знаю! Они здесь не жили!». Слава Богу, были еще и другие свидетели... Вместо трех комнат им отдали одну, в которой они ютились многие годы... И спали: Ида с дочерьми – на железной кровати, Вова на раскладушке, а Феня на письменном столе... Вот так закончилась война для героев этого очерка... Для тех немногих, кто остался жив...

«Будь здорова. Береги Анечку, Лизочку. Целуй их за меня бес-
счетно раз. С приветом, Вова», – прощаясь, в каждом письме писал
Иде Владимир.

Ида сберегла. И целовала бесчисленно раз Анечку и особенно Лизочку – дочь, которую из-за войны ни разу не видел отец, как, впрочем, и все ее другие многочисленные одесские родственники...

При написании очерка и предисловия к нему использованы воспоминания и письма из личного архива Е.В. Бендерской, воспоминания М.Л. Полищука и Н.Н. Щербатюка, данные сайта ЭБД «Память народа 1941-1945» и форумов, посвященных истории военных училищ СССР, а также литературные источники: В. Карп. «Юноши в командирских шинелях», 2013 г.; Н. Подлегаев. «Одесские орлята», газета «Слово», 2016 г., № 26; Т. Коленко. «История артиллерийской спецшколы № 16», 2018 г. и др.

Автор благодарит командира поискового отряда Думиничского р-на Калужской обл. А.И. Гану и председателя Калужской областной организации ветеранов А.М. Исаченко за помощь в поиске информации о В.В. Штивельбанде.

